

Мир Серго Закариадзе

Г. Балацхиа,

У замечательного грузинского художника Давида Какабадзе есть полотно, где не видно неба, одни горы, и такие высокие, что закрывают небосвод, они кажутся выше неба. Художник назвал эти картины имеретинскими пейзажами.

Именно в Имерети—уголке Западной Грузии, в утопающем в зелени небольшом горном городке, недалеко от марганцевого города Шорапани и угольного бассейна Ткибули — в Зестафони полвека назад родился мальчик, которому дали имя Серго. Это и был нынешний лауреат Ленинской премии народный артист Советского Союза Серго Закариадзе.

Этот край—одни из красивейших уголков Грузии—дал много замечательных деятелей искусства и литературы. Достаточно назвать имена поэтов Акакия Церетели, Галактиона Табидзе, Ираклия Абашидзе, писателя и артиста Шалва Дадiani, композиторов Захарии Палиашвили, Мелитона Баланчивадзе (отца прославленного балетмейстера Джоржа Балацхиана) и многих других. Наконец, в этом краю родился и провел детство гениальный советский поэт Владимир Маяковский.

Среди величественной природы,

в атмосфере чарующей поэзии, музыки и труда, в семье железнодорожника рос не совсем обычный мальчик Серго. Он с детских лет почувствовал тягу к сцене, театру и уже в ранние годы своей молодости начал играть на сцене. Это были, конечно, школьные спектакли, самодеятельность, но уже в эти годы проявлял он свои незаурядные способности — этот юноша с порывами Тили Уленшпигеля, жизнелюбем и остроловием Кола Брюньона и с вдумчивостью Спинозы.

Ему здорово повезло в жизни, недаром про него говорят в Грузии, что он «в рубашке родился!» Это были 30-е годы — время, когда всемирно известный режиссер, недавно вернувшийся из Москвы и прославившийся шумевшими постановками «У врат царства» по Гамсуну, «Строитель Сольнес» по Ибсену, «Желтая кофта» и «Похищение Елены», — К. А. Марджанов (Котэ Марджанишвили) создавал свой театр. Юноша Закариадзе уверенно постучал в дверь великого кудесника сцены и предложил свои услуги. Котэ Марджанишвили с первого же взгляда оценил способности юноши...

И вот я помню первые выступления Серго Закариадзе в начале 30-х годов. Это был интересный

и своеобразный спектакль Марджанова по пьесе Эрнста Толлера «Гопля, мы живем!». Стройностью в Аполлона, с лицом героя шекспировской трагедии, Серго Закариадзе вместе со своей женой Медеей Корели исполнял сложный балетный номер в сцене, изображающей фешенебельное кабаре, в оригинальных декорациях художника Давида Какабадзе.

Потом я помню его в роли одного из братьев Уриэля Акосты в гениальном спектакле К. Марджанова «Уриэль Акоста», а через несколько лет — в роли самого Акосты. Это было незабываемое зрелище. В особенности в сцене отречения: прекрасный голос, огромный темперамент, осмысленность игры в каждой мизансцене. Это был синтез разума и сердца, мысли и чувств. Я не помню, сколько раз смотрел этот спектакль, но если бы сейчас представился случай, боюсь, что каждый день я бы посещал его.

Позже я познакомился лично с Серго Закариадзе. Это обаятельный, очень интересный человек, прекрасный семьянин, замечательный собеседник и большой эрудит. Я помню его споры о философии Гегеля, Канта, споры о Шекспире и вообще о литературе, о театре, о назначении чело-

века в жизни. Помню, с какой удивительной ответственностью относился он к каждой роли. Он начинал с чтения всех произведений драматурга, знакомился со всей литературой, какая только существовала об этом драматурге, о пьесе и о героях. Словом, это был достойный ученик К. Марджанова.

Примерно в эти годы начались его выступления в кинематографе, помню шумные успехи в фильмах «Дариго», «Дружба», «Кутузов» и других, где он играл главные роли. А на сцене в это время он исполнял Давида Строителя, Бесики, царя Эдипа, Клавдия в «Гамлетех»... Одна из последних его ролей на сцене — это роль художника-самоучки Нико Пиросмани в пьесе Г. Нахуцришвили «Пиросмани». Но об этом трудно и невозможно рассказать, это нужно видеть. Иногда забываешь, что на сцене Закариадзе, а не живой Пиросмани.

И, наконец, «Отец солдата» на экране. Я не случайно упомянул об этих двух ролях на сцене и на экране. Порой кажется, что отец солдата и Пиросмани — это одно и то же лицо: кахетинский крестьянин, который ушел в город и стал гениальным художником-самоучкой, и другой кахетинский крестьянин, который защищает мир от фашизма. Как будто это два изображения одного и того же лица, потому что истоки их большой человечности начинаются из одной и той же земли.

Николай МИКАВА,
писатель.

МАЯКОВСКИЙ

МАЙ 1961